

ВЛАЖНАЯ
Мочил

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иди КО МНЕ,
ПОГРЕЮ!

Влажная Молли
Иди ко мне, погрею!

«Автор»

2026

Молли В.

Иди ко мне, погрею! / В. Молли — «Автор», 2026

Меня продали под видом выгодного брака. Я бежала от жениха, которого никогда не видела. Говорят, он жесток. Говорят, слуги его боятся. Говорят, он старый импотент. В лесу я замёрзла почти насмерть. И нашла дом. Хозяин не назвал имени, только смотрел так, будто видел меня насквозь. Я назвала его Красавчиком, чтобы не бояться. "Ты понимаешь, что я не спасаю бесплатно?" – его низкий шёпот обжигает мою шею. "Но у меня совсем нет денег", – взволнованно отвечаю я. "У тебя есть кое-что другое". Его условия были ясны. Плата за спасение – я сама. Моя невинность, отданная не старому монстру в законном браке, а красивому и смертельно опасному хищнику в его лесной чаще.

© Молли В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Венера	5
Глава 2. Венера	7
Глава 3. Венера	9
Глава 4. Венера	11
Глава 5. Венера	13
Глава 6. Венера	15
Глава 7. Венера	17
Глава 8. Венера	19
Глава 9. Венера	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Влажная Молли

Иди ко мне, погрею!

Глава 1. Венера

Я поняла, что случилось что-то плохое, ещё до того, как отец заговорил. В воздухе висела особая тишина, будто сам дом затаил дыхание.

Папа всегда так делал: сначала наливал себе коньяк, садился слишком прямо и смотрел не на меня, а сквозь. Как будто я уже не дочь, а строка в договоре. Цифра. Пункт. Я стояла у двери, и каждая секунда молчания вгрызалась в меня острой занозой. Мои пальцы бессознательно перебирали складки шерстяного платья – подарка на прошлое Рождество, синего, как вечернее зимнее небо. Теперь этот цвет казался мне траурным.

– Садись, Венера! – прозвучало как самый настоящий приказ.

Я села на край кресла, будто боялась занять слишком много места. Колени стали ватными, пальцы холодными, хотя в кабинете было тепло. Поленья в камине потрескивали, отбрасывая на стены пляшущие тени, но это тепло не доходило до меня. Оно останавливалось где-то на границе с моей кожей, не смея проникнуть внутрь, где уже поселился леденящий ужас.

– Я нашёл для тебя хорошую партию.

Слова легли ровно. Без эмоций. Без сомнений.

– Партию? – переспросила я, цепляясь за глупую, детскую надежду, что ослышалась. Что это про вечеринку, про новое платье, про что угодно, только не про это.

– Мужа. Не делай вид, что это неожиданно.

Я сглотнула. Ком в горле был такой плотный, что, казалось, можно было подавиться собственным страхом. Сердце билось где-то в висках, слишком громко, слишком навязчиво, выстукивая панический ритм.

– Кто он?

Отец сделал глоток, медленно, смакуя. Поставил хрустальный бокал на резную подставку с тихим, но отчётливым стуком. Пауза была выверенной, театральной. Он знал, как давить, он изучал это искусство – искусство разламывать чужую волю без единого резкого движения.

– Роман Анохин.

Имя упало в комнате не звуком, а физическим весом. Как тяжёлый предмет, ударившийся о паркет.

Я знала это имя. Все в нашем кругу знали его. Его не обсуждали открыто за бокалами шампанского. Им пугали непослушных детей и зарвавшихся дельцов. Им заканчивались разговоры, стоило лишь его произнести. Про него говорили шёпотом, украдкой оглядываясь, будто он мог услышать даже сквозь толщу чужих стен, уловить вибрацию страха в воздухе.

Говорили, что он старый. Сухой, как гербарий между страницами забытой книги. С лицом, на котором давно ничего не отражается: ни гнев, ни радость, только маска холодного расчёта. Говорили, что он злой. Не истеричный, не вспыльчивый, а холодный, ледяной. Такой, что наказывает молча. Медленно. Смакуя удовольствие от процесса.

Говорили, что его слуги не смотрят ему в глаза, а разговаривают, опустив голову. Что дом у него на окраине города – огромный, мрачный особняк в неоготическом стиле. Он всегда пуст и тих. Будто люди оттуда не уходят, а тихо исчезают, растворяясь в его бесконечных коридорах.

Шептались про странные наклонности, которые не называли прямо. Про ночи, после которых женщины сходили с ума.

И ещё говорили, что он импотент. Что вся его жестокость, вся мощь от бессилия. Оттого и бесится. Что он ломает чужие жизни, потому что его собственное тело ему больше не подчи-

няется. Что ему нужна не женщина, а трофей. Власть, а не близость. Полное, безоговорочное подчинение, а не взаимное желание.

Я отчаянно хотела верить в это последнее. Цеплялась за эту мысль, как тонущий за соломинку. Она была единственным проблеском, единственным, за что я могла ухватиться, чтобы не сойти с ума здесь и сейчас, в этом проклятом кресле.

Если он не может если он не захочет. Значит, будет только страх. Только унижение. Но не это. Не та самая интимная пытка, о которой я с ужасом думала по ночам, представляя замужество по расчёту.

Глава 2. Венера

– Это тот самый? – мой голос дрогнул, предав всю мою внутреннюю дрожь, выставив мой ужас напоказ.

– Именно поэтому он и подходит, – спокойно, почти методично сказал отец. – Надёжный. Влиятельный. Умеет держать людей в руках. Его слово в определённых кругах весит больше, чем подпись министра.

– Ты знаешь, что о нём говорят? – выдохнула я, и воздух вышел из лёгких с хриплым звуком. – Ты вообще слышал эти истории?

– Слышал, – отрезал он, будто отсекая ненужную ветвь разговора. – Меня интересуют не слухи, а гарантии. Гарантии стабильности. Гарантии будущего. Гарантии того, что мои активы и ты будут в безопасности.

– Гарантии чего? – я вскочила, и ноги на мгновение подкосились. – Моего молчания? Моего послушания? Моей жизни в золотой клетке с этим с этим

Он посмотрел на меня наконец прямо. В его взгляде не было ни злости, ни досады. Только холодный, безжалостный расчёт, как у шахматиста, жертвующего пешкой ради мата.

– Твоего будущего, Венера. Будущего нашей семьи.

– С человеком, которого я боюсь ещё до того, как увидела?! Которого боятся все!

– Страх дисциплинирует, – равнодушно произнёс папа. – Тебе, с твоим характером, твоими романтическими бреднями, это пойдёт на пользу. Выбьет дурь из головы.

Меня затошнило. Горький привкус подкатил к горлу.

– Сколько ему лет? – спросила я, уже зная, что ответ будет ударом.

– Достаточно, чтобы не быть идиотом и не гоняться за юбками. В самом расцвете сил для делового человека.

Наверное, ему уже шестьдесят? Он был старше моего отца. Старше на два десятилетия. Моё воображение нарисовало образ: морщинистые, холодные руки, редкие седые волосы, взгляд пустой и всевидящий одновременно.

– Я его совсем не знаю. Я не могу выйти за незнакомца.

– Узнаешь. У тебя будет вся жизнь, чтобы изучить его привычки.

– Я не видела его ни разу! Не слышала его голоса!

– Это не имеет значения. Имеет значение его состояние, его связи и то, какие двери он для нас открывает.

Вот тогда я поняла окончательно, с леденящей ясностью. Моё мнение, мои чувства, мои страхи не просто не учитываются, их не существует в системе координат отца. Я была чистым листом, на котором он собирался написать выгодный ему договор. Я была полем, которое он засеивал чуждыми мне семенами. Я была цифрой в колонке активов.

– Когда? – спросила я тихо, почти беззвучно, и это слово было белым флагом, признанием поражения.

– Сегодня вечером. Ты поедешь к нему, чтобы познакомиться.

Я рассмеялась. Резко. Нервно. Звук получился коротким, ломким и неестественным, как треск разбиваемого стекла.

– Сегодня? Но это невозможно. Я не готова. У меня

– Машина будет через три часа. Анна уже готовит твоё тёмно-бордовое платье. Сдержанное. Приличное.

– Я не выйду за него замуж, – сказала я, и впервые за весь разговор в моём голосе прозвучала слабая, но отчётливая нота вызова. Внутри поднималась паника, чёрная и липкая, но сквозь неё пробивалась искра отчаяния, которая сейчас была сильнее страха.

– Выйдешь. Через месяц будет свадьба. Всё уже согласовано.

– Я не вещь! Я не колье, которое можно перепродать! Я живой человек!

Папа поднялся из-за стола, медленно, словно давая мне время прочувствовать каждый сантиметр его приближения. Он подошёл ближе, и его тень, искажённая огнём камина, накрыла меня полностью, поглотила в своей темноте. Я почувствовала запах его дорогого одеколona и коньяка. Знакомый, когда-то родной, а теперь отвратительный запах предательства.

– Ты моя дочь, – произнёс он с ледяной чёткостью. – А значит, часть моего мира. Моих обязательств. Моих амбиций. И ты сделаешь так, как нужно мне. Как нужно нам всем. Твоя семейная доля в бизнесе, твоя будущая безопасность – всё это зиждется на таких союзах. Сентиментальность – роскошь, которую мы не можем себе позволить.

– Ты продаёшь меня, – прошептала я, и голос сорвался на шёпот, полный непролитых слёз и невысказанного ужаса.

– Я заключаю выгодную, стратегическую сделку, – поправил он спокойно, как будто объясняя азы арифметики. – А ты в ней – ключевой актив. Красивый, молодой, воспитанный актив.

Актив. Слово повисло в воздухе, тяжёлое и окончательное. Не человек. Не женщина с её мечтами о любви, о нежных словах, о детском смехе в будущем. Не дочь, которую когда-то качали на коленях и целовали в лоб перед сном. Актив. Как акции, как облигации, как пакет земли на окраине города.

– Иди собирайся, – сказал он, снова садясь в своё кожаное кресло и поворачиваясь к бумагам, демонстративно заканчивая разговор. – И постарайся не опозорить меня. Роман Владимирович ценит сдержанность и не любит истерик. Помни это.

Глава 3. Венера

Я решила принять ванну с солью, чтобы снять с себя напряжение и согреться.

Пар поднимался густыми, тяжёлыми клубами, заволакивая зеркала и кафель. Я медленно погрузилась в воду. Горячая волна обожгла кожу, а затем обволокла плотным, расслабляющим коконом. Но даже внутри этой лавины тепла во мне жило напряжение – тугое, упругое, сконцентрированное где-то глубоко внизу живота, в самом ядре.

Я поднялась, когда вода остыла. Медленно, чувствуя, как тяжёлые капли стекают по шее, соскальзывают с набухших кончиков груди, собираются в паху. Я остановилась перед большим зеркалом, затянутым дымкой. Провела ладонью по стеклу, очищая овальное пространство.

Отражение смотрело на меня не как привычный силуэт, а как незнакомка. Взгляд был слишком пристальным, оценивающим. Я знала своё тело. Знакомила его с собой годами, украдкой, по ночам. Отец говорил, что я должна благодарить природу за такие формы, как будто моя грудь, мой изгиб талии, плавные линии бёдер были не моими, а вкладом в его капитал.

Опасная красота. Актив.

Моя рука сама потянулась к отражению. Пальцы коснулись сначала холодного стекла, а затем скользнули по влажной коже, повторяя контур. От прикосновения к соску тело вздрогнуло. Он уже был твёрдым, чувствительным от контраста температур и внутреннего трепета. Я задержала пальцы, слегка сжала, и острая, сладкая искра боли-удовольствия пронзила меня от груди до самого низа живота.

Я закусил губу и опустилась на пушистый ковёр у ванны. Прохладный ворс впился в горячую кожу ягодиц и бёдер, и от этого контраста по телу пробежала мелкая дрожь. Я откинулась на локти, позволив взгляду скользнуть вниз, по своему животу, к тому месту, где сходились бёдра. Там уже было влажно. Не от воды, а от меня самой. Тёплая, липкая влага, предательски выдававшая моё возбуждение.

Мысль о нём, о муже, о долге, о брачной ночи, которая, судя по слухам, никогда не наступит – всё это внезапно отступило, превратившись в далёкий шум. Здесь, сейчас, была только я. Только это тело, которое внезапно потребовало своего. Которое не желало ждать милости от какого-то старого, холодного мужчины. Которое хотело почувствовать что-то своё, настоящее, сиюминутное.

Я раздвинула ноги шире, позволив прохладному воздуху комнаты коснуться нежных, розовых складочек. Одним пальчиком робко провела по половым губкам, тело отозвалось немым вздохом, бёдра слегка приподнялись навстречу. Я закрыла глаза, откинув голову.

Больше не думая, я нашла маленький, тугий бугорок, скрытый под нежной кожей. Я коснулась его кончиком пальца, и всё внутри сжалось, а затем взорвалось волной тепла. Это был не просто чувствительный узелок моей девственной плоти – это был эпицентр всего того напряжения, что копилось во мне с момента разговора с отцом.

Я начала тереть клитор. Сначала медленно, неуверенно, а затем быстрее, наращивая ритм, следуя своим женским инстинктам. Другая рука снова потянулась к груди. Я взяла тяжёлую, налитую грудь в ладонь, сжала, почувствовав, как сосок упирается в кожу. Потом взяла этот твёрдый, будто каменный, кончик между большим и указательным пальцами и сжала сильнее, выкручивая его почти до боли.

Боль смешалась с наслаждением, превратившись в один густой, опьяняющий коктейль. В голове пронеслись обрывки мыслей, но теперь они не пугали.

«Он не прикоснётся так. Никогда. Его руки будут холодными, как у мертвеца. А мои мои горячие».

«Он не заставит меня течь. Он не заставит меня стонать. Он хочет только моего молчания. А я я хочу этого».

«Я останусь девственницей. Моё тело будет только моим. Эта влага – моя. Эти судороги – мои».

Я ускорила движения пальца у клитора, ритм стал неровным, отчаянным. Внутри всё сжималось и разжималось в такт, я чувствовала, как мышцы влагалища пульсируют вокруг пустоты, жаждущей заполнения. Дыхание стало громким, хриплым в тишине ванной. Я прикусила губу, чтобы не закричать.

Волна подходила, огромная, неотвратимая. Я вдавила ладонь в лобок, увеличив давление, и пошла ей навстречу. Тихий, сдавленный крик вырвался у меня из груди. Всё тело выгнулось дугой, оторвавшись от ковра на мгновение. Изнутри хлынула тёплая волна, смазав пальцы и бедра. Судорожные толчки били изнутри ещё несколько секунд, постепенно затихая.

Я рухнула на ковёр, вся мокрая – от воды, от пота, от себя самой. Грудь тяжело вздымалась. В ушах звенело. В ванной стояла полная тишина, нарушаемая только редкими каплями из крана и стуком моего сердца. Запах стоял густой, сладковатый, совершенно неприличный и бесконечно мой.

Я лежала так, может, минуту, может, десять. Потом медленно поднялась, чувствуя, как дрожат ноги. Накинула шёлковый халат, но не завязала его, продолжив любоваться своим прекрасным, аппетитным телом, которое мне придётся всю жизнь ласкать самой.

Снаружи осторожно постучали.

– Венера Сергеевна? Ваше платье готово.

Глава 4. Венера

Анна была служанкой с тех пор, как я себя помнила. Она явилась в нашу жизнь, словно бледная тень, ещё тогда, когда мой мир умещался в границах детской, и запах её крахмального фартука значил безопасность. Она знала, когда нужно поправить подол платья с материнской нежностью, когда подать чай с беззвучным скольжением по ковру, когда раствориться в дверном проёме, не задавая лишних вопросов. Она знала, когда молчать – это была её главная наука.

Сегодня она молчала особенно старательно.

Красное платье лежало на белоснежном покрывале. Не просто красное – алое, как свежая рана, как спелая мякоть граната под солнцем. Слишком дерзкое для сибирской зимы, слишком кричащее для девичьей спальни. Отец, конечно, выбрал его заранее. Он всегда был предусмотрительным.

Платье было не предназначено для уюта. Оно было для демонстрации, выставление на торги. Ткань – тяжёлый шёлк-сатин, холодный и скользкий, как кожа змеи. Он должен был облегать каждую мою выпуклость, каждый изгиб, превращая тело в товар высшей пробы.

Я стояла босиком на дубовом паркете, и холод от него поднимался по ногам, цепкими щупальцами проникая в кости. За окном скрипели столетние сосны, сгибаясь под тяжестью снежных шапок. Мороз был крепкий, истинно сибирский – выворачивающий душу наизнанку.

Анна подошла тихо, как привидение. Помогла мне снять шёлковый халат. Не торопясь, с почти ритуальной медлительностью. Её пальцы, шершавые от работы, касались моей кожи, и я чувствовала, как они дрожат. Она тянула время. Последние минуты перед казнью.

Ткань платья коснулась тела ледяным поцелуем. Анна застёгивала длинную потайную молнию, и каждый зубчик впивался в спину, как крошечная стальная точка. Она убирала мои волосы, прядь за прядью, собирая их в сложную, несвойственную мне причёску.

– Вам идёт красный, – выдохнула она, глядя куда-то мимо зеркала, в пустоту. Голос её был хриплым от слёз, которые никогда не прольются.

Я посмотрела на своё отражение.

В зеркале стояла не я. Стояла женщина с глазами лесной лани, загнанной в угол. Платье облегло тело так плотно, будто было вылитое из жидкого рубина. Оно подчёркивало всё: тонкую, почти хрупкую талию, которую так легко сломать; высокую грудь, приподнятую жёстким корсетом так, что соски упирались в ткань; округлые, пышные бёдра.

Я выглядела как драгоценность в бархатной шкатулке. Как лот на аукционе.

– Анна – голос сорвался, превратившись в шёпот. Ком подступил к горлу, горячий и колючий. – А если я скажу, что не хочу? Если я откажусь ехать?

Она замерла на долгую, мучительную секунду. В её глазах промелькнуло что-то дикое, материнское, первобытное – инстинкт защитить детёныша, а затем потухло, погребённое под грузом лет послушания.

– Машина ждёт, – твёрдо сказала она, и в этих трёх словах был целый мир покорности, страха и немного соучастия.

У крыльца, выхваченная светом фонарей, стояла чёрная машина. Длинная, глянцевая, как лакированный гроб. Двигатель работал ровно, выдыхая в морозный воздух густые клубы пара, похожие на душу чудовища. Водитель был незнакомый – молодой, с каменным лицом и пустыми глазами человека, который давно продал свою волю за хорошую зарплату.

Мы выехали за город, и городские огни быстро растворились во тьме, как последние искры надежды. Снег за окном лежал ослепительным саваном, дорога сужалась, врезаясь в чащу, будто вела не к жилью, а в самое сердце ледяного забвения. Чем дальше, тем сильнее сжималось что-то внутри, тугое и живое, как клубок гадюк под рёбрами.

Лес за окном был безжалостным и величественным. Деревья, одетые в тяжёлые шубы инея, стояли как молчаливые стражи. Им было всё равно королева ты или рабыня, невеста или жертва. Они видели тысячи таких, как я.

– Остановите, – сорвалось у меня вдруг.

Водитель встретил мой взгляд в зеркале заднего вида.

– Что-то случилось?

– Мне нужно выйти. Срочно.

Он колебался. Всего миг. Взвешивал приказ против непредвиденного. Потом кивнул, и машина, сдавлено зашипев шинами, съехала на обочину.

Я вышла.

Холод ударил с такой силой, что перехватило дыхание. Я посильнее запахнула на себе шубу, но он впился в лёгкие, обжёг лицо. Воздух был колючим, как алмазная пыль.

Сердце забилося в груди, как бешеный молот, выковывающий мою судьбу на наковальне страха.

– Только быстро, – бросил водитель, не выходя из машины.

Я кивнула, сделала шаг в сугроб. Каблуки тонкими кинжалами вонзились в снег. Второй шаг. Третий.

И побежала.

Не оглядываясь, не думая. Инстинкт выживания заглушил всё: и страх, и разум. Я рванула в чащу, туда, где темнота смыкалась сразу за первыми стволами. Алое платье вспыхивало кровавым пятном на фоне белизны, цеплялось за сучья, рвалось. Колючие лапы елей хлестали по лицу, по рукам. Холод обжигал голые ноги, снег набивался в сапожки, превращая каждый шаг в пытку.

Я бежала, задыхаясь, и мир сузился до хруста снега под ногами, до рваного свиста в груди, до бешеного стука крови в висках. Падала, поднималась, царапая руки о ледяную корку, и снова бежала. В ушах стоял гул. То ли от ветра, то ли от собственного отчаяния.

Лес принял меня без вопросов. Тьма сомкнулась за спиной, мягко и окончательно, как крылья хищной птицы. Она поглотила звук заглохшего вдали мотора, поглотила прошлое, поглотила Венеру-невесту.

И в этот миг, среди ледяного дыхания тайги, под безжалостным взглядом холодных звёзд, я почувствовала дикую, первобытную свободу.

Пусть я замёрзну здесь в сугробе, но это будет МОЙ выбор.

Глава 5. Венера

Сначала я бежала. Потом просто шла, спотыкаясь о невидимые кочки, обнимая себя за плечи, пытаюсь сохранить последние капли тепла. А потом поняла, что уже не знаю, куда иду. Направление потерялось вместе с чувствительностью в пальцах ног. Я шла наугад, ведомая лишь животным инстинктом выживания.

Зимний лес не шумит, не предупреждает, не угрожает. Он просто стоит – монументальный, вечный, равнодушный. Чёрные, как смоль, стволы сосен упирались в чёрное небо. Густые ветви, согнутые под тяжестью снежных шапок, образовывали ледяные своды.

Воздух был густым, колючим, каждый вдох обжигал лёгкие изнутри. Снег под ногами был пушистым и глубоким. Он поглощал звук шагов, превращая моё бегство в немую пантомиму.

Сначала эта тишина казалась благословением, ведь меня не услышат. Потом она стала давить, гудеть в ушах. Будто мир выдохнул и забыл обо мне. Будто я уже стала призраком, а Вселенная даже заметила моего отсутствия.

Пальцы онемели быстро, побелели, стали чужими. Я сжимала и разжимала их, чувствуя, как кожу ломит, будто вот-вот треснет, как перезрелый плод. Холод поднимался снизу. Коварными щупальцами от щиколоток к икрам, от икр к коленям. В сапожки набился снег, растаял и теперь снова замерзал, но уже внутри обуви прямо поверх моих ног.

Платье намокло по подолу, обледенело, стало невероятно тяжёлым. Оно липло к ногам, цеплялось за каждый сучок.

Я остановилась, прислонилась спиной к шершавой коре вековой сосны и закрыла глаза. .

Нельзя останавливаться.

Это знает каждый, кто родился в этих краях. Остановишься – замёрзнешь. Смерть в сибирском лесу тиха и элегантна: ты просто засыпаешь. Но тело, моё предательское, изнеженное тело, уже не слушалось разума. Оно требовало тепла.

Хоть какого-то, любой ценой.

Я снова поползла вперёд. Мысли путались, накладывались друг на друга картинками: отец за столом, Анна с её дрожащими руками, безликая тень жениха. Иногда на периферии зрения мелькали тени, будто кто-то большой и бесшумный двигался параллельно между деревьями. Я оборачивалась, сердце колотилось о рёбра – никого. Только лес. Только ночь, холодная и бездонная.

Я начала бормотать вслух. Сначала сама с собой, потом с отцом, упрекая его шёпотом. Потом с Анной, прося прощения. Даже с тем мужчиной, чьё имя было для меня ненавистным.

И тогда я увидела свет.

Сначала я решила, что это галлюцинация. Облик тепла, порождённый отчаявшимся мозгом. Тусклый, жёлтый, живой свет, пробивавшийся между чёрных стволов. Прямоугольник окна, запотевший изнутри. Тонкая струйка дыма над тёмной крышей. Я моргнула, протёрла глаза замёрзшим кулаком. Свет не исчез. Он мерцал. Звал.

Дом был маленьким, приземистым, вросшим в землю, как гриб после дождя. Охотничий домик, срубленный из толстых брёвен, почерневших от времени и непогоды. Но он был настоящим – это главное. От него к лесу вела утоптанная тропинка. Значит, сюда ходят. Значит, здесь кто-то есть.

Холодный, парализующий страх сменился надеждой так резко, что у меня подкосились ноги. Я почти упала, успев схватиться за низкую ветку.

Я подошла к двери, и тут мной снова овладел ужас. Рука не поднималась постучать. А что, если там хуже? Что, если за этой дверью такой же монстр, от которого я бежала, только без светских манер. Что, если внутри бандит. Или их несколько? Какие-нибудь беглые зэки, например?

Они набросятся на моё прекрасное, невинное тело, будут насиловать много дней, пока я не умру, а потом меня просто выбросят в сугроб, и никто никогда об этом не узнает и уже точно не найдёт меня. Ни живой, ни мёртвой.

Ветер, как злобный насмешник, дёрнул мокрую, обледеневшую ткань, пронизывающий холод впился в тело, достигнув костей. Выбора не оставалось. Лес или человек. Замёрзнуть или рискнуть.

Я постучала. Сначала робко. Потом, не слыша ответа, сильнее, кулаком. Звук был глухим, поглощённым толстой древесиной.

Изнутри донеслись шаги. Неторопливые, несуетливые, тяжёлые, уверенные, медленные. Такие, что за каждым из них следовала пугающая пауза. Дверь открылась не сразу. Сначала щёлкнул замок: громко, чётко в лесной тишине.

Глава 6. Венера

И он заполнил собой весь проём.

Первое, что я увидела и ощутила – это тепло. Волна плотного, пахнущего дымом и кожей тепла, исходящая от него. Потом его грудь. Широкая, мощная, обтянутая простой тёмной футболкой, которая подчёркивала рельеф мышц. Материя была тонкой, и сквозь неё угадывалась твердь торса, выпуклость грудных мышц, тень между ними. Плечи, которые, казалось, могли нести тяжесть мира. Руки голые почти до плеч, несмотря на холод. Мускулистые, с переплетением синих жилок и татуировок. Не кричащих, а старых, вросших в кожу, как шрамы: что-то вроде орнамента, волка, может быть, цепей. Тёмные линии уходили под рукава, обещая продолжение на спине, на груди.

Лицо я рассмотрела не сразу. Он был слишком высок. Слишком близко. Свет из домика падал сзади, очерчивая его силуэт золотым нимбом, но оставляя лицо в тени. Я увидела сильный, чуть квадратный подбородок с ямочкой, тёмную, день-два небритую щетину, которая отливала серебром в тех местах, где падал свет. Тяжёлые брови.

И глаза. Светлые. Не голубые, не серые, а цвета зимнего льда на озере в сумерках. Они смотрели на меня без удивления, без жалости. Смотрели, будто оценивая не то, кто я, а то, выживу ли я до утра. Взгляд был медленным, всепоглощающим.

Это был не взгляд мужчины на женщину. Это был взгляд хищника на добычу, случайно забредшую в его логово.

– Вы – мой голос сорвался, превратившись в хриплый шёпот. – Я заблудилась. Пожалуйста.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел. Молчание длилось вечность. Потом он отступил на шаг, освобождая проход.

– Заходи.

Голос. О, Боги, этот голос. Низкий. Глубокий, с лёгкой, природной хрипотцой.

Я переступила порог и словно попала в рай. Тепло обволокло меня, как физическое прикосновение, от которого сразу закружилась голова и помутнело в глазах. Пахло дровяным дымом, смолой, старым деревом, кожей и чем-то ещё диким, животным – мужским потом, мылом с грубым запахом, может быть, оружием. Запах опасности. Запах силы.

Мужчина закрыл дверь. Щёлкнувший замок заставил меня вздрогнуть. Теперь мы были заперты. Вместе.

– Снимай!

Он кивнул на моё платье, даже не глядя. Занялся печкой, подбросил полено. Мускулы на спине играли под тканью при движении.

– Я я заплачу, – выпалила я машинально. Последний аргумент из прошлой жизни. – У меня нет с собой денег, но мой отец

Он обернулся и усмехнулся. Это не была улыбка. Это было лишь лёгкое движение губ, которое на мгновение смягчило суровость его лица и сделало его ещё более пугающе привлекательным.

– Здесь не гостиница, крошка.

Он подошёл к вешалке у стены. Я невольно отметила, как легко, как пластично движется его тело, полное скрытой силы. Он снял оттуда большую кофту на замке и бросил её мне. Я поймала на лету, уткнулась лицом в воротник. Запах ударил в ноздри: дым, лес, мужчина. Чужой, незнакомый, доминирующий. От этого запаха в самой глубине живота, под ледяным комом страха, ёкнуло что-то тёплое и стыдное.

– Как вас зовут? – спросила я, чтобы разрядить тишину, которая сгущалась, как смола.

Он повернулся ко мне полностью. Взгляд его ледяных глаз снова прошёлся по мне медленно, оценивающе, будто примеряясь, с чего бы он хотел начать.

– Неважно.

Пауза повисла в воздухе, густая, как масло. В печи с громким треском лопнуло полено, выбросив сноп искр, будто подчеркнув напряжённость момента.

– Я Венера, – представилась я, чувствуя, как это имя звучит нелепо и вычурно в этой brutальной, мужской реальности.

Он кивнул один раз, коротко. Будто запомнил. Будто это имя имело для него какой-то смысл, который мне был недоступен.

– Я могу остаться? До утра? – спросила я так тихо, что почти боялась, что он не услышит.

Он сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Он оказался слишком близко. Тепло, исходившее от его тела, было почти осязаемым. Я чувствовала его всем существом: кожей, губами, кончиками пальцев. Он навис надо мной, и я увидела каждую деталь: шрам над бровью, тёмные ресницы, окружающие светлые, пронзительные глаза, полные губы под щетиной.

– Можешь, но это не бесплатно, – произнёс он спокойно. Его дыхание коснулось моего лба. В нём не было ни алкоголя, ни табака. Только чистота и сила.

Я сглотнула. Комок в горле был огромным. Я знала это. С самого момента, как увидела свет в окне и почувствовала, как бьётся сердце не только от страха. Я знала цену спасения в мире мужчин.

– Я понимаю, – прошептала я, и сама не знала, что именно я понимаю и на что соглашаюсь.

Он ещё раз посмотрел на меня. Взгляд его был тяжёлым, внимательным, будто он видел не только дрожь в моих руках, но и ту странную, предательскую влажность между моих бёдер, которая появилась не от страха, а от чего-то иного. От его близости. От его грубой, животной силы.

А потом он отвернулся, будто потеряв интерес, и пошёл к столу.

– Раздевайся. И грейся у печи. Простынешь – толку от тебя будет ноль.

Он сказал это так просто, будто говорил о дровах. Без пошлости. Без намёка. Констатация факта. Меня оценили, взвесили и решили, что я могу представлять ценность, только будучи живой и здоровой.

Я осталась стоять посреди комнаты, сжимая в пальцах края его огромной кофты, пропитанной его запахом. Снаружи остался лес, холод, прошлая жизнь. А здесь, в этой жаркой, душной избушке, начиналась новая реальность. И опасность здесь пахла не страхом, а дымом, кожей и мужчиной, чьё имя было «Неважно».

Глава 7. Венера

Я не сразу поняла, что он смотрит. Не разглядывает, именно смотрит. Медленно, внимательно, будто решает, не кто я, а что со мной делать. Какое применение найти живому, трепещущему телу, забредшему в его логово.

Тепло в доме было обманчивым. Оно не расслабляло, наоборот, обостряло всё до предела. Слух, улавливавший каждый скрип половицы под его тяжёлыми шагами. После ледяного плена леса любое движение казалось слишком громким, любой взгляд, слишком пристальным, проникающим под кожу.

Я стояла посреди комнаты, сжимая в заочневших пальцах края его кофты – простой, серой, из грубой пряжи, но пропитанной его запахом до самой сердцевины. Дым, пот, кожа – дикое и мужское, отчего внизу живота ёкало предательским теплом. Этот запах одновременно успокаивал и сбивал с толку, как наркотик.

Он отвернулся первым – небрежным, мощным движением. Подбросил в ненасытную пасть печи поленьев, и пламя взметнулось, осветив на мгновение его суровое лицо.

Дом был простым до аскетизма: массивный стол, тёмный от времени, пара таких же стульев, раскалённая докрасна печь с чугунной дверцей, грубая, почти монашеская кровать у дальней стены, застеленная шкурами животных. Возле кровати на полу ещё одна шкура, видимо, служившая ковриком. Никаких лишних вещей. Никаких следов уюта в виде занавесок или пёстрых подушечек. Словно здесь жили древние викинги.

– Ты откуда? – спросил незнакомец, поворачиваясь ко мне.

– Из города.

– Вижу.

Один короткий, оценивающий взгляд. Без насмешки. Без осуждения. Просто констатация: городская. Чужая. Не на своём месте.

– Говоришь, заблудилась? – продолжил он, подходя к столу.

– Я да.

Он хмыкнул, коротко и глухо.

– В таком платье?

Мой взгляд сам опустился к измятой, промокшей насквозь ткани, липнувшей к ногам. Алый шёлк в сумраке избы казался кричаще-неуместным, почти похабным пятном, яркой меткой жертвы.

Он не стал расспрашивать подробности. Не потребовал объяснений. Незнакомец протянул мне железную кружку. Тяжёлую, холодную на ощупь. От неё пахло резко, жёстко, так, что я инстинктивно сморщила нос.

– Что это? Мамочки... – спросила я, уже зная ответ.

– Не нюхай, – сказал он спокойно. – Просто пей.

Я снова поднесла кружку к губам, понюхала и поморщилась. Запах ударил в нос, обжёг, словно предупреждая: *это не для удовольствия*. Я посмотрела на него. Он не торопил. Просто ждал. Уверенно. Так ждут только тогда, когда знают, что ты всё равно сделаешь.

– Я, вообще-то, не пью... – начала я.

– Да плевать. Теперь пьёшь, – перебил он. – Давай, малышка, до дна.

Это «до дна» прозвучало как приказ. Хочет напоить меня, а потом воспользоваться моим состоянием?

Какая разница уже, если выглядит он вполне дружелюбным?

Я вздохнула и сделала глоток. Горло обожгло так, что на глаза выступили слёзы. Я закашлялась, но он не дал мне убрать кружку. Его большая, шершавая ладонь накрыла мою, удержала.

– Не останавливайся. Я же сказал: до дна!

Я сжала губы и выпила ещё. И ещё. Каждый глоток был тяжёлым, как шаг по глубокому снегу. В груди разливался огонь, который быстро расползлся по телу.

Он забрал её и поставил на стол. Смотрел внимательно, будто проверял, как подействует.

Сначала стало горячо в животе. Потом в плечах. В пальцах. Напряжение, которое держало меня с той самой минуты, как я выбежала из машины, вдруг ослабло. Отступило, как волна, которая накрывает, а потом откатывается, оставляя после себя тёплый песок.

Я подняла на него взгляд, чувствуя, как по спине бежит холодный пот, смешиваясь с жаром от огня. Но вместе со страхом, к моему ужасу, внутри меня зарождалось что-то тёплое, влажное, непрошеное.

– Вы мне так и не сказали, как вас зовут, – напомнила я.

Он помолчал, потом пожал могучими плечами.

– Зачем тебе?

– Мне мне нужно как-то к вам обращаться.

– Придумай.

Я смотрела на него снизу вверх, и в опьянении страхом, холодом и этой невероятной, грубой мужественностью, в голове всплыло абсурдное слово.

– Красавчик? – вырвалось у меня, хрипло и глупо.

Он замер. На лице мелькнуло неподдельное, дикое удивление, сменившееся коротким, хриловатым смешком, от которого по моей коже побежали мурашки, а потом он расхохотался в голос.

Я поняла, что сморозила глупость. Слишком слащавое прозвище для такого брутала, но слово – не воробей.

– Простите, я не...

– Нормально. Пусть будет так.

Глава 8. Венера

Это прозвище, дерзкое и нелепое, вдруг сократило пугающую дистанцию. Сделало незнакомца мужчиной с именем, моим спасением и моей гибелью в одном лице.

– Раздевайся уже. Быстрее снимешь, быстрее высохнет, – сказал он уже другим тоном. Не приказным, а устало-практичным, будто говорил о разделке дичи.

И началось самое смущающее и порочное. Я медленно, будто в трансе, сбросила с себя шубку и дала ей соскользнуть на пол. Потом взялась за боковую молнию на платье. Шипение расстёгивающейся молнии прозвучало оглушительно громко. Я почувствовала, как взгляд Красавчика, тяжёлый и неотрывный, прилип к моим рукам, а затем к открывающимся участкам кожи. Я стянула мокрый, грязный шёлк с плеч, и платье грузно упало к моим ногам, оставив меня стоять в центре комнаты в одном лишь нижнем белье.

Кружевное, дорогое, сексуальное до невозможности и абсолютно нелепое в этой брутальной реальности. Бюстгальтер с косточками, подчёркивающий высокую, полную грудь, и тонкие, почти прозрачные трусики, которые уже не скрывали ничего: ни тёмный треугольник лобка, ни тот факт, что они стали влажными не только от снега. Холодный воздух коснулся обнажённой кожи, и я вздрогнула, чувствуя, как соски затвердевают и выступают острыми бугорками под тонким кружевом, предательски выдавая не только холод, но и то щекочущее, стыдное возбуждение, что разгоралось внизу живота от пожирающего меня мужского взгляда.

Он не двигался. Не отворачивался. Стоял и смотрел, прислонившись к косяку. Его глаза медленно, с невозмутимым спокойствием хищника, совершили путь от моих тщательно уложенных, влажных волос к дрожащим, обнажённым плечам, надолго задержались на груди, где ареолы сосков явственно выпирали сквозь кружево, скользнули по тонкой талии, по изгибу бёдер, задержались на том самом месте, где тонкая ткань трусиков уже темнела от моей собственной, произвольной влаги.

Меня нещадно вело от спиртного и этого мужика.

Как же я боялась, что он почувствует этот сладковатый, женственный запах, поймёт, что я, при всей моей неопытности, дрожи и страхе, теку. Потому что никто и никогда не смотрел на меня почти обнажённую и беззащитную. Это сводило с ума.

Я даже не сразу вспомнила о кофте, которую он мне дал. Спихватившись, быстро натянула её на себя и застегнула замок. Она была огромной, свисала почти до колен, но она хранила следы его тела, его запаха. Она обволакивала меня, как вторая кожа, как маркер собственности. Я инстинктивно поднесла рукав к лицу, делая глубокий, тайный вдох.

Красавчик протянул мне пару толстых тёплых носков, которые я тоже натянула на себя. Они показались мне безразмерными, потому что доходили почти до колен.

– Садись, – кивнул он на стол. – Есть будешь?

Внезапно я почувствовала просто дикий голод. Словно я не ела сутки или двое.

– Спасибо, я бы перекусила, – скромно согласилась я.

Через некоторое время на столе появилась чугунная сковорода. На ней шипели и дымилась толстые, румяные куски мяса – дичь, пахнувшая дымом и кровью. Красавчик отрезал ножом с широким лезвием большой, сочный ломоть и положил передо мной прямо на дерево стола, без тарелки. Аромат был божественным, первобытным. Я ела жадно, почти не жуя, чувствуя, как тепло и сила возвращаются в тело с каждым куском, с каждой каплей жира. Он сидел напротив, медленно пережёвывая, не сводя с меня глаз.

От усталости, страха, сытной пищи и алкоголя мир поплыл, края стали мягче, а его присутствие ещё весомее, ещё соблазнительнее. Тепло разлилось и между ног, усиливая ту влажную, стыдную пульсацию.

– Ты можешь остаться на ночь, – произнёс он, когда я доела последний кусочек мяса. Его голос звучал уже ближе, глубже. – Но дальше посмотрим.

– Посмотрим что? – спросила я.

– Как ты будешь платить.

Эти слова уже не пугали так, как раньше. Они стали фактом. Они висели в воздухе между нами, густые, как запах жареного мяса, дыма и его мускуса, обещая что-то запретное, неотвратимое и порочно желанное.

Я смотрела на огонь в печи, на свои руки в рукавах его огромной кофты, на его мощную фигуру, залитую багровым светом. Я сбежала от одного мужчины, чей образ был соткан из чужих страхов. И оказалась здесь, в логове другого, чья опасность была плотской, реальной, дышащей мне в лицо грубой силой и животным магнетизмом.

Это место не временное пристанище – это точка невозврата. И цена за спасение, которую требует Красавчик, будет вычтена не из кошелька моего отца, а из самой моей плоти, моего стыда, моей невинности и моего внезапно проснувшегося, ненасытного голода.

Глава 9. Венера

Мне было хорошо. Подозрительно хорошо. Так, как не бывает просто так.

Тепло расплзлось по телу лениво, густо, будто я не просто согрелась, а медленно оттаивала изнутри. Сытная еда тяжело улеглась в животе, спиртное – резкое, крепкое, настоявшееся – приятно ударило в голову. Мысли перестали быть острыми, страх – колючим. Всё внутри притупилось, словно меня завернули в толстое, уютное одеяло.

Я сидела у печи, поджав ноги, и смотрела на огонь. Он больше не пугал. Как и мужчина напротив.

Красавчик устроился на табурете, вытянув ноги. Он смотрел на меня не в упор, а как-то сбоку, будто между делом, но я чувствовала этот взгляд кожей. Он был спокойным, хищным, и от этого ещё опаснее.

– Расскажи о себе, – попросил он вдруг.

Не приказал, не потребовал, просто сказал. Мне это показалось таким естественным, будто мы сидим так уже давно. Будто мы старые знакомые.

Я удивилась сама себе, когда заговорила сразу. Без паузы, без привычного обдумывания слов, без внутреннего тормоза.

– У меня нет матери, – сказала я, глядя в огонь. – Я её почти не помню. Иногда кажется, что она была, а иногда, что я её просто придумала. В доме всегда была Анна. Служанка. Она меня растила. Кормила. Заплетала косы. Наверное, она и была моей матерью только без права голоса.

Я замолчала на секунду, прислушиваясь к себе. Красавчик не перебивал, не комментировал, просто слушал. От этого слова лились дальше сами.

– Отец всегда был занятым. Он любит говорить, что дал мне всё. Деньги. Дом. Образование. А я думаю, что он просто не дал мне выбора. Никогда не давал. – Я усмехнулась, но улыбка вышла кривой. – Он умеет решать за других. И считает это заботой. – Красавчик чуть наклонил голову, будто признавая: знакомо. – А теперь он решил, что мне пора замуж, – продолжила я. – За человека, которого я даже не видела. – Я фыркнула совсем не так, как подобает «приличной девушке», потому что была уже изрядно пьяна. – Роман Анохин, – выговорила я имя и поморщилась. – Про него столько говорят, что я даже не знаю, что правда. Старый. Злой. Импотент. И при этом извращенец. Смешно, да? – Я коротко рассмеялась – нервно, слишком громко. – Говорят, он женщин не любит. Только ломает. Ужасный человек. Я поняла, что если поеду к нему, то просто умру.

Я замолчала. В груди было пусто и одновременно легко. Как после исповеди, в которую не веришь, но всё равно говоришь. Красавчик вдруг тоже рассмеялся. Низко, коротко, искренне.

– Значит, ты никогда его не видела? – переспросил он. – Своего будущего мужа?

Я покачала головой.

– Нет. Даже фото.

Он улыбнулся шире, обнажая ровный ряд белых зубов.

– Я бы тоже сбежал от такого жениха.

Эта фраза почему-то тронула сильнее всего. Не потому, что он поддержал. А потому что сказал «я бы тоже». Поставил себя рядом со мной. Не выше, не по другую сторону.

Он поднялся и подошёл ближе. Я почувствовала его движение раньше, чем увидела. Тепло от его тела смешалось с жаром печи. Мне вдруг стало слишком жарко.

Он остановился прямо передо мной. Я подняла голову.

– Ты слишком много думаешь, Венера, – сказал он негромко.

– Это плохо? – спросила я, не узнавая свой голос. Он был мягкий. Тёплый. Совсем не испуганный.

– Иногда, – ответил он.

Он протянул руку и поймал меня за подбородок. Легко, не сжимая. Просто зафиксировал, заставив смотреть на него. Его пальцы были тёплыми, шершавыми. Он провёл ими по моей щеке. Медленно, будто пробуя мою кожу на гладкость.

У меня перехватило дыхание.

В голове мелькнула глупая, наивная мысль: сейчас он меня поцелует. И от этой мысли внутри всё сжалось. Не от страха, от ожидания. От того, что я не знала, хочу ли я этого или уже хочу слишком сильно.

Я не отстранилась.

Он был близко. Слишком. Его дыхание касалось кожи. Я видела тени от ресниц, линию губ, спокойствие в глазах.

– А ты? – хрипло выдавила я, разрушая интимность момента. – Что ты делаешь один в лесу? Чей это дом? Твой?

– Меня тут тоже быть не должно, киса. Как и тебя. Я уже давно должен был быть...

Красавчик не успел договорить. В этот момент в дверь начали долбиться.

Громко. Резко. Без предупреждения.

Удар. Ещё один. И ещё.

Я вздрогнула так сильно, что сердце будто оборвалось и полетело вниз. Всё тепло, всё вино, вся расслабленность исчезли в одно мгновение.

– ОТКРЫВАЙ!

Голос был грубый. Чужой. Опасный.

Я вцепилась в Красавчика инстинктивно, сама не понимая, как это произошло. Пальцы сжались на его футболке, дыхание сбилось.

– Тихо, – сказал он мгновенно. – Ничего не бойся.

Удары повторились. Сильнее.

Я смотрела на дверь и понимала: это люди моего отца нашли меня. Выследили, чтобы увезти туда, где я должна быть. Я уже не хотела, чтобы Красавчик меня поцеловал, я хотела, чтобы он меня защитил.

И это было куда серьёзнее.

– Это люди моего отца, мамочки! – вырвалось у меня, и голос предательски сорвался на шёпот.

Удары снаружи были глухими, злыми, нетерпеливыми. Так стучат не потому, что ждут ответа. Так стучат, когда считают, что им должны.

Красавчик не двинулся. Он медленно подошёл к окну, отодвинул занавеску ровно настолько, чтобы заглянуть наружу, и тут же вернул её на место. Движение было спокойным, выверенным.

– Мы так не договаривались, девочка, – сказал он, не оборачиваясь. – Я не готов отстреливаться от незваных гостей бесплатно.

Слово «гости» прозвучало почти насмешкой. Снаружи снова слышались крики с требованием открыть. Я почувствовала, как внутри всё сжимается в один тугой узел.

– Пожалуйста – начала я и замолчала, потому что «пожалуйста» здесь ничего не значило.

Я сделала шаг к нему. Потом ещё один. Ноги стали ватными, мысли – липкими. Я не думала. Я действовала.

Я упала на колени. Пол был холодный, жёсткий, но я этого почти не почувствовала. Пальцы сами вцепились в его ноги, в плотную ткань брюк, будто в спасательный круг. Я прижалась лбом к его бедру и только тогда поняла, как сильно дрожу.

– Я сделаю всё, что хочешь, – прошептала я, слова путались, дыхание сбивалось. – Только не отдавай меня им. Пожалуйста.

Он замер. В доме вдруг стало так тихо, что я услышала собственное сердце.

– О, девочка, – сказал он негромко, – ты знаешь, что я хочу?

Вопрос повис между нами. Конечно, я знала. Лучше пусть Красавчик лишит меня девственности, чем какой-то старикан или я навсегда останусь невинной, потому что мой жених слишком немошен для постели.

Я подняла голову и посмотрела на мужчину снизу вверх. Его лицо было в тени, но глаза – ясные, тёмные, внимательные, голодные.

– Я – я сглотнула. – Я готова. Всё что хочешь.

Снаружи снова ударили в дверь. Громче. Настойчивее.

– Открывай, мать твою! – крикнули. – Мы знаем, что она там!

Я всхлипнула и снова вцепилась в него, как будто он был единственным, что удерживает меня в этом мире.

Красавчик опустил взгляд на мои руки. На мои пальцы. Потом аккуратно, почти бережно, разжал их один за другим, и от этого жеста у меня внутри всё перевернулось.

– Всё, что я захочу, Венера, – повторил он. – Без запретов и слёз. Сегодня. Мы договорились?

– Да...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.